

Алексей Михайлович Душкин

Сибирский институт традиционного прикладного искусства — филиал «Высшей школы народных искусств» (академия), директор, Омский государственный педагогический университет, аспирант кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: losb90@mail.ru

Историко-онтологическая структура единства в русской философии: от П. Я. Чаадаева к Н. А. Бердяеву

Аннотация. Цель исследования — выявление онтологических основ единства российского общества. В статье рассматриваются две альтернативные концепции в понимании онтологических основ единства российского общества. Проведен методологический анализ историко-онтологических концепций формирования единства отечественного социума. Доказано, что в онтологической структуре единства отечественного общества обнаруживаются исторические события, рефлексия над которыми позволяет российской культуре, государству, народу, человеку сформировать свой культурный код и историческую память. Антиномичность является сущностью историко-онтологической модели единства российского общества и основывается на диалектическом законе единства и борьбы противоположностей.

Ключевые слова: онтологические основы единства, трагизм, динамизм, антиномия, культура, национальный дух.

Alexey M. Dushkin

Siberian Institute of Traditional Applied Arts — Branch of the Higher School of Folk Arts (Academy), Director, Omsk State Pedagogical University, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: losb90@mail.ru

Historical and Ontological Structure of Unity in Russian Philosophy: From P. Ya. Chaadaev to N. A. Berdyaev

Abstract. The purpose of the study is to identify the ontological foundations of the unity of Russian society. The article discusses two alternative concepts in understanding the ontological foundations of the unity of Russian society. The methodological analysis of historical and ontological concepts of the formation of the unity of the national society is carried out. It is proved that historical events are found in the ontological structure of the unity of the national society, reflection on which allows Russian culture, the state, the people, the person to form their own cultural code and historical memory. Antinomy is the essence of the historical-ontological model of the unity of Russian society and is based on the dialectical law of unity and struggle of opposites.

Keywords: ontological foundations of unity, tragedy, dynamism, antinomy, culture, national spirit.

Введение (Introduction)

Актуальность обусловлена интересом современного российского общества к исследованиям в области историко-онтологического понимания единства, в контексте формирования гражданственности и консолидации субъектов Российской Федерации. Понимание онтологических основ единства отечественного общества позволит решить проблему дезинтеграции субъектов Российской Федерации. Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, произвести сравнительный анализ историко-онтологических концепций единства в рамках диалектической методологии; во-вторых, выявить специфические черты «трагической» историко-онтологической концепции П. Я. Чаадаева; в-третьих, определить место антиномии в историко-онтологической основе единства.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сегодня мы возвращаемся к пониманию важности государственного единения людей. Универсальное начало российского общества — антиномия, которая способствует эволюции, создавая единство и борьбу противоположностей. Предлагаемая точка зрения позволяет реализовать взаимное соединение антиномичных концепций для формирования единства социума.

В современном российском социуме остро стоит проблема решения идентификации субъекта социума. Сегодня граждане Российской Федерации подвержены дизъюнктивным тенденциям: со времен крушения советской системы и до нашего времени идет разделение общества по этническим, религиозным и социальным критериям. Наше исследование направлено на выявление основ, на базе которых

можно будет сформировать единство разобщенных групп российского общества.

В исследовании рассматриваются две противоположные концепции по осмыслению духовного бытия российского общества — П. Я. Чаадаева и Н. А. Бердяева, которые определяют, по нашему мнению, формирование единства внутри современного отечественного социума, на основе чего можно попытаться сформировать две концепции патриотизма, опирающиеся на исторический драматизм философии П. Я. Чаадаева и на концепцию динамизма Н. А. Бердяева.

Методы (Methods)

Для осмысления историко-онтологической структуры единства в русской философии применяются диалектический и историко-метафизический методы исследования. Теоретической базой исследования, наряду с трудами П. Я. Чаадаева и Н. А. Бердяева, послужили произведения Н. И. Ульянова и Н. Я. Данилевского.

Литературный обзор (Literature Review)

Значимое произведение в рамках исследования — «Русская идея» Н. А. Бердяева, в которой осуществлен историко-философский анализ развития отечественной саморефлексии. Одна из главных идей отечественной мировоззренческой модели — идея о Москве как Третьем Риме. В рамках этой идеи происходит осмысление других, транслирующихся из нее позиций: антиномичности русской души и социума, а также миссионерского призвания.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

П. Я. Чаадаев выдвинул тезис о том, что формирование русской культуры происходит не по тому вектору, по которому развивались все цивилизованные европейские державы. В результате П. Я. Чаадаев получил известность как «первый философ из России». Как заметил Н. Ульянов, один из немногих биографов Чаадаева: «Нет большего самозванства в истории русской мысли» [1, с. 93]. Чаадаев считал, что Россия находится между Востоком и Западом, таким образом, отечественная культура включает в себя два противоположных начала, доминирующих в различных культурах: рациональную активность Запада и пассивную мирозерцательную позицию Востока. Российская культура, исходя из традиционной логики развития, описанной Чаадаевым, должна была стать некой квинтэссенцией активного и пассивного начала, консолидировать в себе западный рационализм и восточный мистицизм. Но Россия выбрала другой путь, не справившись с задачей синтеза двух культур. «Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» [2, с. 27].

Сущность данной стагнации Чаадаев определял несколькими историческими причинами: Россия существовала в раздробленном, дезинтегрированном состоянии, пока не появился лидер (Рюрик), который сумел объединить разрозненные племена. Вторая причина, которую мы рассмотрим подробнее, заключается в выборе отставшей, антагонистической религиозной восточной модели

(Византийского христианства). И третья причина, которую выделяет философ, — это «отатаривание» российской государственности в период татаро-монгольского ига. Таким образом, вследствие этих трех причин российская культура не получила достаточной пассионарной энергии для консолидации в себе двух мировых цивилизационных начал: активного западного и пассивного восточного. «Пассионарность — жизненная энергия, которая вдруг под влиянием разных факторов, начинает закипать и выплескиваться наружу» [3, с. 69]. Россия в своем историческом развитии не смогла пройти свой путь взросления в то время, когда западные культуры производили накопление и реализацию своей пассионарности, исторического опыта, исторической памяти, которые позволили совершить рефлексию над своей историей и способствовали развитию оригинальной философской мысли.

Религиозный выбор российской культуры повлиял и на взаимоотношения с западными экстенсивными культурами. Россия выбрала для себя, как утверждает философ, тупиковый, антагонистический путь духовного развития по отношению к мировому процессу. Восточное христианство было поражено пассивностью византийского духа. Русь, как духовно-религиозная правопреемница Византии, обрекла себя на духовное нищенство восточного христианства. В противовес этому, П. Я. Чаадаев описывает западное католичество как активное, мессианское духовное начало в западной культуре, которое позволило сформировать исторический опыт, отрефлексировать его и выстроить путем многих жертв идеальную модель существования культуры. Когда происходило зарождение католицизма в его культурном детстве и юношестве, все народы Европы формировали общую модель мысли, общий язык обращения к Богу — латынь. Вся Европа направляла свои молитвы на одном и том же языке к Богу. Все западные страны в период своего юношества стремились нести католичество на Восток — крестовые походы. Даже инквизиция оказала положительное влияние, по мнению П. Я. Чаадаева, на формирование западной культуры. Инквизиция была необходима для того, чтобы пройти этот нелегкий путь — рождение новой западной культуры так же, как женщина рождает свое дитя в муках.

«Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю» [1, с. 32]. По мнению Чаадаева, русская культура — это некая ошибочная форма существования, сбой в программе. Русская культура должна научить весь мир, каким путем развития не следует идти. Российская культура показала пример стагнации духа, отсутствия историчности и, как следствие, появления своей оригинальной духовной мысли народа. Но тогда встает вопрос: каким образом происходит консолидация данного общества, почему русская государственность развивается как на Восток, так и на Запад, включая в себя другие этносы? Каким образом в русской культуре проявляется патриотизм, исходя из трагического понимания Чаадаевым русской культуры, русского духа? Стагнация социальности влечет за собой отсутствие эволюции модели государственного устройства.

Русской культуре свойственно бинарное восприятие государственной власти: «добрый царь» и «злой помещик». Рассмотрим данную оппозицию подробнее. «Добрый царь» — эта та фигура в русской культуре, которая способна накормить голодного, обогреть бездомного, победить любое зло. Фигура царя в русской культуре имеет прямую связь с трансцендентным, божественным. Царь — это иерофания, проявление священного в своем образе; он по определению не может творить зла, его природа — божественная природа. Все решения принимает не царь как социальный субъект, а Царь как мифологема, как архетип. Все свои действия он совершает исходя из согласования с трансцендентным — Богом. Божественная воля и царь синтезируются в русской культуре и формируют позитивное, архетипическое содержание.

«Злой помещик» — враг царя, враг народа и враг Бога. Помещик — это полностью материальный образ, не имеющий никакой связи с трансцендентным началом, которое имеет «добрый» царь. Царь — это упорядоченный космос, помещик — материальный хаос. Помещики (бюрократы) злы от своей природы, они — бич божий. Бюрократия, которая окружает царя, завладевает его вниманием и разумом посредством обмана и уловок. Добрый царь не знает о бедах своего народа, злые помещики доносят до него неверную информацию ради своей выгоды.

Вышеописанное помогает сформулировать определенную модель формирования социального единства субъектов в отечественной культуре. Царь — бинарная фигура, синтез материального и трансцендентного, доброго человека и божественного откровения, иерофании. Царь, как символ проявления священного в своей фигуре, образует вокруг себя символическое бытие, которое наполнено его божественным позитивным предназначением. Человек в русской культуре стремится приобщиться к святине посредством погружения в священное символическое бытие царя. Мифологема, или образ, злого помещика усиливает векторную энергию субъекта на образование единства с общим — с царем, вопреки злу — помещику. «Нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкорененному народному пониманию» [4, с. 389].

П. Я. Чаадаев находит в католицизме духовную форму единства европейских народов, которая базируется на различных факторах: единый язык богослужения для всех народов Европы формирует единый понятийный аппарат и обращение по отношению к трансцендентному. Под эгидой католицизма до определенного исторического момента происходит единый исторический процесс, который позволяет формировать идентичные рефлекторные модели мышления у разных народов. Российское православие пришло к нам из Византийской империи. В 1453 г. Византийская империя утратила свое могущество. Среди всего мирового исторического процесса осталось одно сильное государство, религиозный правопреемник Византийского православия — Россия. Именно в этот период начинается формироваться миссионерская национальная идея в рус-

ской культуре. Православие как мессианская идея, а Россия как единственная защитница всех православных христиан — это представление стало формировать религиозное единство субъектов в отечественной культуре. Идея спасения православия и православного христианства в мире проходит нарративом сквозь всю русскую культуру. В период Смутного времени именно благодаря объединению России вокруг идеи спасения православия произошел народный пассионарный всплеск, сформировавший крепкую форму единства внутри символического бытия. Идея социального единства в данный период ослабела в результате разрыва образа царя с трансцендентным откровением, божественной волей. Таким образом, данная модель единства рухнула и обнажила православную модель патриотического единства: спасение России как единственного носителя и защитника православного мира. Данную идею озвучил патриарх Гермоген, всколыхнувший пассионарную религиозную энергию в символическом бытии православного христианства.

Идея трагической судьбы русской культуры, описанная П. Я. Чаадаевым в своей концепции, формирует критическое восприятие величия отечественной культуры и ее миссии в историческом процессе. Трагизмом наполнена вся русская культура, но, по нашему мнению, именно благодаря русскому духовному трагизму нам удастся оставаться тем единством, тем Отечеством, которое способно к имманентной трансляции своей культуры, глубокому осмыслению собственного исторического опыта, которому трагизм придает эмоциональный окрас. Философское осмысление трагического русского исторического и рефлексивного опыта не может оформляться в сухой европейский научный язык, в сдержанный рационализм западной культуры. Исследовав основные причины трагизма русской культуры, мы пришли к пониманию, что этот трагизм формирует особенные, отличные от западной модели, формы единства. Социальная модель патриотизма заключается в иерофанической природе суверена государства — царя. Царь — это синтез божественного духа и материального субъекта. Иерофания формирует вокруг себя священное символическое бытие, в которое погружается субъект. Образ «злого помещика» усиливает нацеленность субъекта на вовлечение себя, идентификацию по отношению к символическому бытию царя. Религиозная модель единства русской культуры основана на формировании мессианской мировоззренческой концепции православия. Русский дух — единственный хранитель и защитник православного христианства. Окончательное формирование данной модели в русской культуре происходит в период Смутного времени, а именно во время формирования второго ополчения, когда единство субъектов отечественного духа рассыпалось по отношению к иерофании царя, поскольку суверен потерял связь с трансцендентным.

Другую позицию по отношению к смыслу и истокам русской культуры, русского духа, русской государственности описывает Н. А. Бердяев. По мысли философа, Российская империя, российская культура, русский дух должны послужить для формирования нового мирового культурного образования. Российская культура созрела к эманации. Традиционные культуры других народов — это незаполненный

сосуд. Для того чтобы его заполнить, необходимо синтезировать традиционную национальную культуру с русской культурой, таким образом, культурный сосуд разделенных национальных или региональных культур наполнится и станет эманировать из себя общемировую, единую культуру, которая будет базироваться на русской культуре.

Н. А. Бердяев выделяет главную, универсальную черту русской культуры, русского духа — антиномичность, которая проникает во все области русского бытия. «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, то есть совмещающий противоположности» [5, с. 52]. Также философ описывает характерные особенности русской культуры, которые определяют ее самобытность в общемировом пространстве: власть пространства над русской душой, бюрократизм и провинциализм, мессианство, всечеловечность русской культуры и национализм, империализм и анархизм.

Антиномия — субстанция русского духа, которая позволяет создавать творческое напряжение внутри человека, внутри культуры. Россия — самая антиномичная держава. Она и не могла бы быть другой, находясь между Востоком и Западом. П. Я. Чаадаев утверждал, что Россия не прониклась ни западными, ни восточными началами и не сформировала свой особенный вектор развития. Н. А. Бердяев говорит о том, что Россия синтезировала в себе западные и восточные модели духа, которые оформились в отдельную идентификационную единицу русской культуры — Евразийство. Россия — это Евразия, соединение восточного и западного мира. «Слишком огромными пространствами приходилось овладевать русскому народу, слишком велики были опасности с Востока, от татарских нашествий, от которых он охранял и Запад» [6, с. 2]. Именно поэтому антиномия — определяющая черта русского человека, русского духа и государственности. Таинственные противоречия, лежащие в основе нашего бытия, определяют особенности развития русской культуры, русского духа и русской государственности. «Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе» [7, с. 105]. Для того чтобы понять русскую душу, нужно возвести в аксиому тезис об антиномичности бытия. Антиномия для России — это субстанция, из которой выросло громадное евразийское пространство.

Антиномия как универсалия спасает русского человека, с одной стороны, от экзистенциального разочарования, с другой — от безмерного чувства превосходства. Русский человек — человек крайностей, ему необходим внутренний противовес, удерживающий его от саморазрушения, связанного с погружением либо в чрезмерное самобичевание, либо самолюбование. По отношению к субъекту, носителю русской культуры, противоречия, лежащие в основе его души, составляют диалектическую модель формирования субъекта. На каждый интенциональный тезис возникает не менее интенциональный антитезис, а их антиномическое взаимодействие и формирует жизненный синтез русского человека. Русская культура имеет тождественную формулу, поскольку ее формирует антиномичная модель русского человека. Исходная противоречивость русского духа обусловила антиномичность русской культуры. Антиномия русской культуры спасает ее,

с одной стороны, от созерцания безмолвной черни, стремящейся к поклонению господину, с другой стороны, от возвеличивания и агрессивного национализма, который происходит на Западе. Русская культура не националистична, стремится к панславянству, она направляет свои космополитические силы к духовному объединению всего мира на базе русского православного духа. Ее обратная сторона — это дикость, отчужденность человека от возвышенного, отсутствие стремления к самосовершенствованию, раболепие. Таким образом, антиномия внутри русской культуры, внутри русского человека — это не только субстанция, которая позволяет формировать активное развитие, но и инъекция, привитая России мировой историей, для сохранения самобытности и независимости оной.

Антиномия бытия — парадигма российской событийности. Исходя из данного определения основополагающей черты российской культуры, вытекают, как следствие, противоположные, антиномичные начала, провозглашающие вечную борьбу внутри субъекта. Гераклит утверждал, что предикат жизни — это взаимопроникновение противоположностей. Именно в русской культуре этот закон реализовал себя в полной мере.

«Человек познавательно проникает в смысл Вселенной как в большого человека, как в макроантропос. Вселенная входит в человека, поддается его творческому усилию как малой вселенной, как микрокосму» [8, с. 279]. Власть пространства над русской душой растворяет ее в природе. Душа российского человека, как и душа российской культуры, обречена на скитание в просторах родины. Ширь пространства порождает как позитивные, так и негативные онтологические черты России. Стремления обуздать, освоить огромные пространства, упорядочить их для более удобного существования на них отвергаются русским человеком, его основная задача, на которую он тратит множество сил и энергии, — это охрана своих обширных границ. Именно поэтому в русской народной культуре так много былин про богатырей, которые стерегут рубежи родины.

Власть пространства над русской душой сохраняет в человеке архаичные черты любви к природе. Растворенность в природе русской культуры открывает способность человека к саморефлексии в долгом, почти бесконечном пути по просторам родины. «Острое переживание одиночества и тоски не делает человека счастливым. Одиночество связано с неприятием мировой данности» [9, с. 42]. Н. А. Бердяев связывает акцентированную способность русской мысли к саморефлексии с бесконечными просторами страны. Еще одна сторона социального стремления русской души — империализм. Империалистическое мировоззрение русского человека связано с его всеобъемлющей и всепринимавшей культурой. Н. А. Бердяев выделяет три типа империи: Англосаксонская империя, Германская империя, Российская империя.

Каждая империя имеет свою модель существования. Англосаксонская империя базируется на экономическом деспотизме в своих колониях. Данная модель империи не трогает духовный мир поработанных народов. Она стремится овладеть всеми ресурсами колонии для своей экономической выгоды, что приводит к формированию сурового капитализма в англосаксонском мире.

Для понимания особенности Германской империи необходимо дать краткую характеристику немецкому духу. Уже со времен Реформации немецкая мысль стала противопоставлять себя другим европейским народам. Немцам постоянно приходилось обустривать свою ограниченную территорию таким образом, чтобы максимально рационализировать пространство. Немецкая культура не влилась в общеевропейскую. Она обособлена от нее своей историей. В отличие от Англосаксонской империи, которая стремилась к экономическому порабощению своих колоний, Германская империя стремилась к «онемечиванию» — реорганизации захваченного пространства, образованию германского космоса. Всё, что лишено немецкого порядка, есть хаос, поэтому германская империя стремится не только к экономическому порабощению колоний, но и к «онемечиванию» культуры. Идея реализации Германской империи достигла своего апогея в период фашистской идеологии Третьего рейха.

Модель Российской империи вытекает из российской культуры. Российская культура не стремится к порабощению, она создает благодатную почву для развития национальных культур. Так и Российская империя не стремится к захвату других государств, она вовлекает их в свое символическое бытие и дает средства для развития. Российская империя эманурует из себя начало, которое способно адаптироваться к другой культуре или государству.

Динамизм русской культуры в философской концепции Н. А. Бердяева проявляется в накоплении и осмыслении исторического опыта, который приводит к развитию оте-

чественной мысли, культуры и социума. Динамизм подразумевает под собой развитие. Любое развитие опирается на предшествующие основы, одни из которых остаются неизменными, другие — видоизменяются. Н. А. Бердяев провозглашает антиномию как всеобъемлющую отличительную черту русского духа. От антиномии русского духа формируются производные, которые реализуют закон единства и борьбы противоположностей, для того чтобы не было омертвления души и происходило постоянное развитие. Противоположности, заключенные в русском духе, формируют модель некоего вечного двигателя, преобладание одного типа из антагонистической пары позволяет запускать процесс развития в другой. И, таким образом, каждое последующее преобладание уже начинает происходить на ином, более качественном уровне, что влечет за собой динамическое развитие на всех уровнях отечественного бытия.

Заключение (Conclusion)

Сравнительный анализ историко-онтологических концепций единства позволил обнаружить два ведущих подхода к осмыслению становления России: первый — трагический, представленный в концепции П. Я. Чаадаева, второй — динамический у Н. А. Бердяева. Специфика «трагической» историко-онтологической концепции Чаадаева заключается в критическом осмыслении исторического бытия России. В динамической концепции Бердяева антиномичность русской культуры представлена как основание возможного единства российского общества.

Библиографический список

1. Ульянов Н. И. Басманный философ // Ульянов Н. И. Диптих. Нью-Йорк : [б. и.], 1967. С. 93–101.
2. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. М. : Русская классика, 2006. 304 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Алгоритм, 2014. 520 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
5. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Алгоритм, 2017. 224 с.
6. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Алгоритм, 2017. 430 с.
7. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Азбука, 2016. 416 с.
8. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М. : Просвещение, 1971. 320 с.
9. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М. : АСТ, 2018. 416 с.

References

- Berdyayev N. A. (1971) *Russkaya ideya: osnovnyye problemy russkoi mysli XIX i nachala XX veka [Russian Idea: The Main Problems of Russian Thought in the 19th and Early 20th Centuries]**. Moscow, Prosveshchenie Publ., 320 p. (in Russian)
- Berdyayev N. A. (2016) *Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]**. Moscow, Azbuka Publ., 416 p. (in Russian)
- Berdyayev N. A. (2017) *Istoki i smysl russkogo kommunizma [The Origins and Meaning of Russian Communism]**. Moscow, Algoritm Publ., 224 p. (in Russian)
- Berdyayev N. A. (2017) *Samopoznanie [Self-knowledge]**. Moscow, Algoritm Publ., 430 p. (in Russian)
- Berdyayev N. A. (2018) *Smysl tvorchestva [The Meaning of Creativity]**. Moscow, AST Publ., 416 p. (in Russian)
- Chaadaev P. Ya. (2006) *Apologiya sumasshedshego [Apologia of a Madman]**. Moscow, Russkaya klassika Publ., 304 p. (in Russian)
- Danilevskii N. Ya. (1991) *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]**. Moscow, Kniga Publ., 574 p. (in Russian)
- Gumilev L. N. (2014) *Ehtnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]**. Moscow, Algoritm Publ., 520 p. (in Russian)
- Ul'yanov N. I. (1967) *Basmannyi filosof [Basmanny Philosopher]**, *Ul'yanov N. I. Diptikh [Diptych]*. New York, pp. 93–101. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.